

Желая раздуть огонь, Франц отправился навестить другого крупного деятеля Консервативной партии, графа Колофта, чтобы выразить свою озабоченность ситуацией.

Все были хорошо осведомлены о последних событиях, и роль Франца в этом политическом конфликте не была секретом среди высших должностных лиц правительства.

Франц, естественно, был на стороне консерваторов из-за своего происхождения, или, по крайней мере, они были в одной лодке, когда столкнулись с реформой класса капиталистов. Кроме того, все на высшем правительственном уровне были весьма принципиальны, поэтому никто не мог просочиться наружу.

И даже если кто-то допустит утечку информации, ничего не изменится, поскольку противоречие между дворянством и классом капиталистов больше не может быть разрешено. Каждый просто должен был делать то, что должен.

Должны ли они позволить дворянству отказаться от подавления класса капиталистов? Или позволить капиталистическому классу отказаться от попыток захвата власти?

На данный момент никто не пойдет на компромисс и даже не осмелится предпринять такую попытку. Если бы кто-то отступил, они бы увидели не широкое море, а огромную бездну.

Если бы не преимущество молодости, Францу пришлось бы подняться на политическую сцену.

На самом деле, это было меньше его проблема и больше их озабоченность и Регентский совет не хотел отказываться от своей власти так рано; в результате им пришлось взять на себя давление и вину.

Вынесение Франца на передовую линию против капиталистического класса продвинет его повестку дня в политических делах и приведет к прекращению деятельности Регентского совета Империи.

Между тем премьер-министру Меттерниху пришлось бы нелегко, потому что он, представитель интересов знати, называл себя реформистом.

Когда между двумя партиями в Австрии велась ожесточенная борьба за льготы, Франц встал между ними, а затем, что усугубило трудности, в реформу вмешались консерваторы.

В прошлом люди часто нападали на консерваторов, утверждая, что они использовали крепостное право как оружие, лишали крепостных их личной свободы, цинично эксплуатировали их, а затем препятствовали прогрессу Австрии.

Это было время для дворян дать отпор. Люди находили, что было еще хуже, сравнивая жизнь рабочих и крепостных.

Дворяне, какими бы испорченными они ни были, не заставляли крепостных работать по 15 или 16 часов в день, за исключением напряженного сельскохозяйственного сезона, потому что им просто не хватало работы.

Внутреннее освещение в то время было не из дешевых. Капиталисты будут зарабатывать деньги, заставляя рабочих работать сверхурочно по ночам, а дворяне теряют деньги, если они поступают так же с крепостными.

В общем, жизнь рабочих и крепостных была одинаковой - горькой!

Но условно говоря, жизнь рабочих была хуже.

Завод был похож на тюрьму. Попадая внутрь, было тяжело выбраться, а любая невнимательность могла привести к наказанию.

Что касается платежей, то они полностью зависели от моральной целостности капиталистов, можно было немного получать деньги под руководством добросовестного начальника, в то время как можно было задолжать своему боссу кучу денег после многих лет тяжелой работы, не получая оплаты, если под руководством злого начальника.

Требование платежей было проблемой всегда.

О счастье не могло быть и речи как о способе сравнения, так как они уже чувствовали страдание.

Из-за манипуляций дворянства рабочий класс внезапно осознал, что они были самым жалким классом из всех.

Тогда им, безусловно, пришлось поддержать правительство в отношении Закона об охране труда.

Так называемая конституционная реформа, общенациональные выборы и отмена крепостного права были отложены на неопределенный срок, чтобы сделать приоритетными вопросы, касающиеся их собственных интересов.

То же самое относилось и к классу капиталистов: они были жесткими и не отступали ни на шаг, когда дело доходило до личных интересов. Патриотизм всеми дружно давно забыт.

У премьер-министра Меттерниха, оказавшегося посреди всего этого, разболелась голова.

Он был силен в дипломатии, но казался бессильным разрешить внутренние конфликты.

Как и в случае с предыдущим вопросом об отмене крепостного права, он все еще вел переговоры с представителями класса капиталистов, пытаясь найти приемлемый для всех компромисс.

«Премьер-министр, я хотел бы знать, когда будет принят Закон об охране труда?» - равнодушно спросил граф Колофт.

Как он мог не подтолкнуть его, как политического врага премьер-министра Меттерниха? Даже без предложения Франца он все равно принял бы меры, но теперь его цель была более точной.

«Граф Колофт, любой закон должен подождать некоторое время, прежде чем он может быть принят, потому что мы должны провести фактическое расследование, а затем провести всесторонний анализ. Пожалуйста, проявите терпение» - презрительно сказал Меттерних.

Он не потрудился быть вежливым с политическим оппонентом. Кроме того, они останутся врагами, что бы он ни делал.

«Премьер-министр, это не я не могу ждать, это рабочие снаружи. Как вы знаете, каждый день в Австрии сотни рабочих умирают из-за безжалостной эксплуатации капиталистов!

Разве они не называют себя патриотами? Что они делают с рабочими, когда обвиняют нас в безнравственном лишении свободы крепостных?

Разве рабочие не граждане Австрии? Вы знаете, большинство этих рабочих - крепостные, которых мы отпустили. Вместо того, чтобы делать их жизнь лучше, капиталисты загоняют их в пучину бездны!

Что еще хуже, эта бездна поглотит все и, в конце концов, уничтожит всю Австрию! » - взревел граф Колофт, ткнув пальцем в лицо премьер-министру Меттерниху.

Какой мат! (кто не понял тут выражается сильный удар или ход. Как в шахматах. Простой пример: Шах и Мат). Целью освобождения крепостных было сделать их жизнь лучше, но все свидетельства показали, что произошло обратное: они страдали больше.

Это был тяжелый удар для Меттерниха, который ратовал за отмену крепостного права, и проблема остановила бы всю его работу, пока она не была решена.

Но решение этой проблемы означало, что он должен был порвать с классом капиталистов, который поддерживал отмену крепостного права, или даже победить их.

Поскольку большинство реформистов в стране были капиталистами, это пошатнуло бы его положение на посту премьер-министра, если только он не был полностью за дворянство.

Что ж, сам премьер-министр Меттерних был представителем знати и всегда поддерживал их, за исключением движения аболиционистов. Он не держал ничего против того, чтобы снова пойти на компромисс с дворянством. Вопрос был в том, как он это сделает?

Он не мог заставить их встать на его сторону, это был вопрос руководства. Меттерних хотел быть лидером знати, а не их доверенным лицом.

«Что ж, граф Колофт. Ответ будет дан правительством в ближайшее время. Можете вернуться и дожидаться новостей! » - сказал Меттерних, нахмурившись.

"Я надеюсь, что это так, иначе наш премьер-министр разочарует », - многозначительно сказал граф Колофт.

После того, как премьер-министр Меттерних выпроводил графа Колофта, его лицо мгновенно потемнело. Было бы странно быть в хорошем настроении после такого давления.

После минутного размышления Меттерних ударил рукой по столу.

«Граф Колофт действительно стареет и дряхлеет, если думает, что сможет выдавить меня с помощью такой маленькой уловки», - сказал он себе.

Он сказал, что как будто был очень молод, тогда как на самом деле Меттерниху, родившемуся в 1773 году, самому было уже 74 года.

<http://tl.rulate.ru/book/57175/1461035>